

ТРИ
БАСНИ
КРЫЛОВА

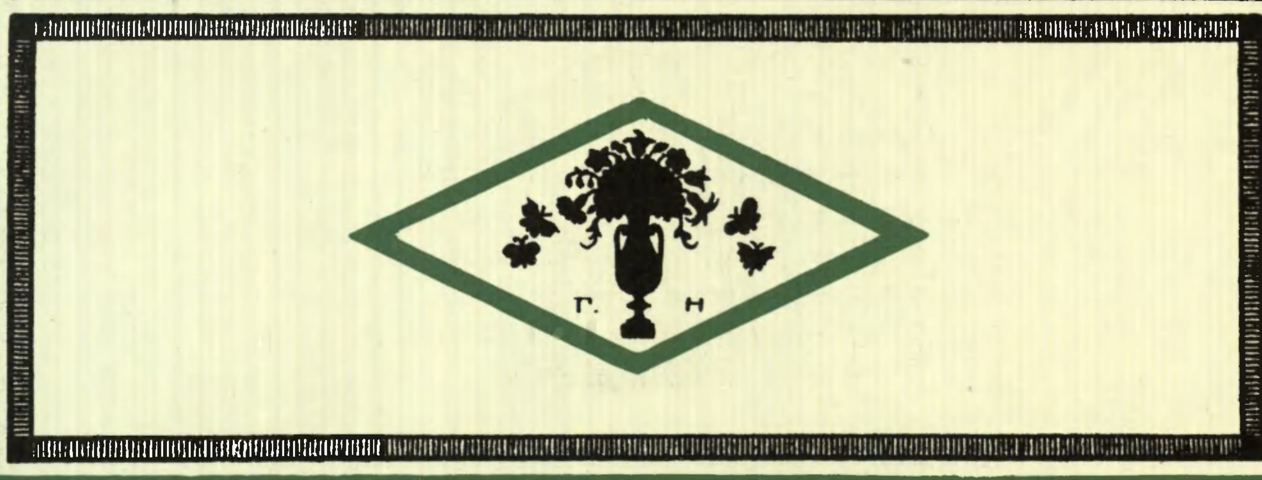
СИЛУЭТЫ
ЕГОРА НАРБУТЪ
изданiе
I. КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

Г. Н
11
Иванъ Андреевичъ
КРЫЛОВЪ

ЛЖЕЦЪ

ИЗЪ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «чтò я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Чтò здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, чтò есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— Чтò за диковина! — пріятель отвѣчалъ, —
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами, вотъ, теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.

Г. Н

Вонъ, видишь ли черезъ рѢку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ
А свойство чудное имѢетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѢетъ
До половииы не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѢ.
«А какова у васъ рѢка?»
— Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѢтъ на свѢтѢ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѢтъ спору въ томъ,
ВѢдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
«Гора хоть не гора, но, право будетъ съ домъ».
— ПовѢрить трудно!
Однакожъ, какъ ни чудно,
А все чудѐнъ и мостъ, по коимъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѢшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо .
«Ну, не такое еще диво;
ВѢдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѢ по-нашему хоромы;
Что̀ тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѢзть,
И то ни стать, ни сѢсть!»
— Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѢхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѢсться можно.
Однакожъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѢлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...
«Послушай-ка, тутъ перервалъ мой Лжецъ:
ЧѢмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду»

Г. Н.

Крестьянинъ и Смерть

НАБРАВЪ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
«Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ: къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»
Въ такомъ уныніи, на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть: она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ
И говоритъ: «Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку».

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Фортуна и нищій

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенка подъ оконьемъ таскался
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.

P. H

Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать:
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился
И нажилъ было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И подѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что̀ попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла!
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла».

Едва отъ радости мой Нищій дышитъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
«Довольно ль?»—«Нѣтъ еще».—«Не треснула бъ?»—
«Не бойсь».
— «Смотри, ты Крезомъ сталъ».—«Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось».
— «Эй, полно! Посмотри, сума ползетъ ужъ врозь».
— «Еще щепоточку». Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;
Фортуна скрылася; одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенкимъ попрежнему остался.

Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С.-Петербургъ